

Рамиль Сарчин

НЕ ПОГАШЕН СВЕТ

Стихотворения

Сарчин Р. Не погашен свет : Стихотворения / Сост., ред. Ф.Пираев. – Казань, 2017.

Этот сборник является четвёртой стихотворной книгой поэта.

© Рамиль Сарчин, 2017

...И осень.
И давно уже
Светает инеем белесым.
Трава,
Сведённая с межей,
Лежит и чахнет по навесам.

И осень всё-таки права:
Не вечно травам наливатьсья!
И поредевшая листва
Дрожит от собственных оваций.

И льются
С головы до пят
Листвой оплаканные реки;
И кажется,
Что листопад –
Навеки.

...Мы словно травы на меже –
С сознанием весенней силы.
Мы словно травы.
Но уже –
И осень,
И траву скосили...

И листья жгут...

...Как это непростительно – не длиться
Душой и телом – на самой Земле...
Ну, что за радость быть самоубийцей –
Чтобы навеки пребывать во мгле?

И как так может, чтобы эти звёзды
И солнышко тебя не сберегли?..
Всё будет так необратимо поздно,
Когда душа сокроется вдали –

Она в такие выси вознесётся,
Где не согреет ни одна из звёзд,
Где нет ни Бога, ни Любви, ни Солнца –
Лишь только смерть, ограда и – погост...

... Поэтому иди ко мне Ты в гости –
Я обниму тебя, мой добрый друг...
Какие бы там не кружили злости –
ТЫ
ДОЛЖЕН
БЫТЬ,
а не исчезнуть вдруг...

...Как этот одинокий пёс,
Который по задворкам кружит, –
И я давно уже дополз
До одичалости наружной –

Да что наружной! – и внутри
Так зло и беспробудно тёмной,
Что сердце еле как горит,
И по-собачьи тяжело мне –

Как этот одинокий пёс,
Бреду тревожно в мрак морозный,

Терзаясь лишь одним вопросом:
Была Ты в шутку иль всерьёз?..

...Потом только – позвони ты мне,
Скажи, что опять со мной.
И чтобы такой же истинной,
Такою же неземной,

Такой же, как в небе солнышко,
Какой и была всегда! –
И сердце моё наполнишь ты,
Как речку весной вода...

Твой месяц и светел, и тёпел –
У солнца благие дела:
Родимое, топит и топит.
И я, закусив удила,
Топлю и топлю, как лошадка,
Что мчится навстречу судьбе
По мостику гибельно шаткому.
А я, дорогая, к тебе.

А с утра сегодня моросит...
А с утра сегодня еле-еле
Птицы перелётные летели
Над ветвями высохших осин.

Словно похороны:
Друг за другом
Всё тянулись медленно на юг –
И тенью полнилась округа,
И кресты мерещились вокруг.

Айтулы

...И, на полную глядя луну,
Часто думаю думу одну.

Эта дума светлей луны –
О красавице Айтулы,

Что была, словно лебедь, бела,
Что нарядна, как пава, была.

Были бусы её красны,
Пудра – неслыханной белизны!..

Красота обернулась судьбой –
Идегей уманил за собой –

Уманил и оставил тебя,
Во цвету молодицу губя.

Айтулы, ты осталась одна,
Словно полная в небе луна.

Но судьба твоя, Айтулы,
Не полнее ущербной луны...

Без любви любая быль что небыль.

Безголосье...
Снег.
След – полозьев
Бег.

Бьётся в окна
Звук
Одиноких
Вьюг.

А на стёкла
Лёг
Кособокий
Лёд.

Берёза посреди болота
В кругу тоскующих осин
Стоит, блистая позолотой, –
Как солнце, на ветру висит.

Но так темно, как будто ветер,
Рассыпав тучи по земле,
Тоску ночей увековечил
На мокрых лысынах полей.

Берёза

Когда умру, тоскуя по весне,
Прошу вас: не горюйте обо мне,
И ни к чему высокие слова –
Когда берёз отговорит листва...

Ах, как берёза пахнет стариною!
А в пору зимних и тревожных дней
Она всегда белеет надо мною
Как светлый образ родины моей.

Берёзы стали символом отчизны
Не потому, что много их у нас,
А потому, что светлый облик жизни
На их коре молочной не погас.

И пусть всегда по осени ледащей
Перегорает палая листва!..
Мы все, как листья, тоже уходящи,
Но и без нас берёза не мертва.

Благая весть

Когда от грусти никуда не деться,
Но так гудит колодезный мотор,
Что даже солнце розовым младенцем,
Не унимаясь, тянется во двор,
В каком-нибудь вишнёвом переулке,
В таком же светлом, как благая весть,
Я становлюсь до удивленья гулким,
Как будто переулок я и есть.

В нереализованной любви
Кроется причина всех недугов.
И зови её ты, не зови –
Не придёт к тебе твоя подруга.

Ни подруга, ни родимый друг
Не одарят сердца добрым взглядом.
А без них – оглянешься вокруг:
Ничего-то в жизни и не надо.

В стакане белом
Прозрачным телом
Дрожит вода.
Мне надоело –
Всё надоело –
Как никогда.

Вот – кипятильник
Теплообильный
И – провода.
В стакане белом –
Такое дело –
Бурлят года.

Васильки

В небе только проклюнулось солнышко,
А на поле уже васильки
Светом синим округу наполнили,
Излучая, как с доброй руки,
Лето нежное, боговолимое, –
Я люблю их за это, как милую...

Вечернее

Уже дневная кончена работа,
И с минарета вечер возвещён –
И вместе с этим слышно: у кого-то
Корова не подоена ещё.

Ещё цветы по цвету различимы
И маргариток теплятся огни.
И для печали вроде нет причины,
Но как печально светятся они!

О чём печаль?
О той ли, что у дома
Хозяйкой не привечена пока?
Но вот уже торопятся с бидоном –
И зазвенели струны молока...

Густеет день, и наступает вечер,
И затухают тихие цветы.
И вместо них, распахивая вечность,
Созвездия цветут из темноты.

Возвращение

Село моё – окраина и скука...
И на проулки, бедные людьми,
Горит мечети озарённый купол
И голубями сизыми дымит.

И голуби садятся на дорогу,
Когда с машин просыплется зерно.
И светит чьей-то матери убогой
На целый мир косящее окно.

И в том окне, дарёная невесткой
И по старинке шитая крестом,
Узорная белеет занавеска

И чем-то светлым наполняет дом.

В селе моём, пустом наполовину,
На родине, оставленной давно,
Горит окно с кривою крестовиной,
Со светлым косоглазием окно.

Волны

Как хорошо по берегам
Бывает в ветреную пору:
И волны ластятся к ногам,
И что-то трепетное вторят.

А ты стоишь – и сердце вон
Под эти бьющиеся воды:
Что может быть живее волн
И что безропотней уходит?..

Вот и лес обнажился и снова поля опустели –
Так и было до нас, так и будет – века и века.
Наши дни на земле не длиннее полуденной тени...
Отчего ж дольше вдоха и выдоха длится строка?..

Вот и проклюнулись клейкие почки –
Липнут, как дети, ко всякой ладошке!
Глядя на робкие эти листочки,
Я не нарадуюсь сыну и дочке.

Всё закончится так: никому и никто не обязан –
Потому что нельзя, потому что так нужно Ему,
Потому что по горло руками-ногами повязан,
Только кем и когда – никогда я уже не пойму.

Всё закончится так: будет ночь, будут жаркие звёзды,
И одна, как нарочно, всё будет манить и манить...
И ты знаешь, родная, окажется так несерьёзно
В эту позднюю осень кого-то за что-то винить.

Голубь

Вы слышали, как воркует голубь?
Глубоко, особенно в тиши,
Будто выражая поневоле
Глубину неведомой души.

Не случайно имя этой птицы
Голубой небесной глубины:
Стоит ей на землю опуститься –
Станут зовы вечности слышны.

Горят поленья:
Год за годом
Отслаивается зола –
Им сумеречная погода
Другой кончины не дала.

О, если бы и мне не мешкать
У раскалённого котла...
Горят предсердий головешки,
Но безо всякого тепла.

Дай мне насытиться запахом
Нежно-телесным твоим.
Или земного нельзя, пока
Музой небесной томим?

Только –
В разреженном воздухе
Вряд ли всей грудью вздохнёшь...
Разве насытишься звёздами?
Каждая в сердце, как нож.

А по земному, родимому,
Так изболелась душа –
Нежность необходима ей:
Дай мне тобой подышать!

Для тебя я такой же, как многие,
Ближе разве, но вряд ли родней.
И живём мы с тобой, одинокие, –
В одинаковом множестве дней.

Оракушенные привычками,
Всё тоскуем о чём-то большом...
И тоска-то какая – не вычерпать
Никаким, даже звёздным, ковшом!..

День – как добро:
Чем больше, тем светлее.
И ночи тоже землю серебрят.
Подставь ведро
Под звёзды Водолея,
Ведь звёздами поэты говорят!

Деревья догола раздеты,
И листья плещутся о ноги –
Так безысходно одиноки,
Совсем как брошенные дети.

Прохожий, человек радушный,
На небо звёздное укажет
И почему-то тихо скажет,
Что звёзды – это чьи-то души.

Они людьми когда-то были:
Любили их, они любили.
И ничего, что их так много, –
Им и на небе одиноко...

А я давно уже о звёздах
Того же мненья, что о листьях.
И по ночам так стынет воздух,
И пусто на душе и мглисто.

Деревья окрасились в солнце –
Деревья по лету грустят.
За месяцем месяц несётся,
Ничто не вернётся назад.

Сквозь тысячи реинкарнаций,
За толщами вечности-тьмы
Потомки потом усомнятся:
А были ли, в сущности, мы?

И мы никогда не поверим,
Как душу свою ни томи,
Что грустные эти деревья
Когда-нибудь будут людьми.

Дом на краю села.
В нём не погашен свет.
Бабушка умерла.
Бабушки больше нет.

Бабушка – умерла.
Вот уже сорок дней...
Знаешь, она была
Родиною моей.

Дорога тянется,
Как пёс, ко мне.
Сутулясь, пьяница
Идёт по ней.

Да за околицей,
Где зябь везде,
Ворона молится
На борозде.

Дорога узкая,
А всюду – ширь!
Таков у русского
Замер души.

Если не напиться, то повеситься.
И прости ты, дорогая, мне,
Что за мною мчит старуха-вечность
На холодно-призрачном коне.
Вот уже косу свою наводит,
Вот уже нависла надо мной...
Но махнёшь стакан родимой, водочки, -
Сразу жизнь становится иной.

Если б ты знала, как мне одиноко...
Как там себя не отнекивай,
Так тяжело, когда нежности много,
А одарить ею некого.

Есть и жена, и, как водится, дети...
Только... бывает минутами:
Будто душа как до нитки раздета –
Холодно и неуютно ей.

Если б ты знала, моя дорогая,
Как одиночеством выстужен.
Только... ведь жизнь не даётся другая...
Эту бы как-нибудь вытужить.

Если имя – это знак судьбы,
Что муллой тебе в ушко поведана,
То тебе весёлой надо быть,
Несмотря ни на какие беды.

Радостной, задорной, озорной,
Хохотушкой звонкой по-девчоночьи,
У которой, только у одной,
Ветерок поигрывает чёлкой

Миру время самое цвести,
Полниться соцветиями ладными!
Вот расцвёл и васильковый стих –
Для твоей улыбки ненаглядной.

За изгородью вяза
Без суетных хлопот
Кузнечик долговязый
Мелодии прядёт.

На холмике покато
Волнуется трава –
Паук, старик пузатый,
Сплетает кружева.

И пусть себе сплетает,
И всё ветвится вяз,
И песни сочиняет
Кузнечик-долговяз!

Замолкло по лесам,
И листья неживые,
А впрочем, я и сам
Заговорил впервые

За тот недолгий срок,
Что я на новом месте,
Где кто бы уберёт
От пошлости и лести.

И в тишине густой,
Сникая головою,
На квёлый травостой
По-волчьи вою.

Заря

Там, где ели с соснами
И берёзы в ряд,
Завивала волосы
Девушка-заря.

И блистало жёлтое
Солнце по росе
Золотой заколкой
В девичьей косе.

Змеиное

1

Неземная значит не за мной ты,
И, быть может, тем и хороша,
Что мои страдальческие ноты
Не тебе терпеть, моя душа.

Это дело жёны разумеют,
Их удел – страданья врачевать,
И врачуя, горе горевать,
Отогреться думая со змеем.

2

Моя змеиная душа,
Змеиная лишь потому,
Что с нею льда не продышать
И не согреться никому.

Но это – чуткая душа,
И ей знакомы боли дней,
И с высоты её видней,
Что вечных льдов не продышать

И – что неведомо уму! –

Не отогреться никому.

...И непонятно, на которой улице,
Где ночь, аптека и всё тот же свет,
Ты так незвёздно, дорогой, сутулишься –
Как будто чуда не было и нет.

И разве мы так невысоко созданы,
Что нам не оторваться от земли –
Как будто рождены мы не под звёздами –
И не для звуков сладких и молитв?..

...И никак душа не хочет
К стуже привыкать:
Теплокровная уж очень,
Хоть и на века

Создана – и ей бродяжить
Между ледяных
Звёздностей не вечность даже,
А иной длины

Времена, где альфы, беты
Будут уж не те...
Впрочем, что сейчас об этом, –
Только в пустоте

Одиночества не стыть бы,
Будучи с тобой
Рядом – это же и стыдно,
И такая боль!..

...И ничего безнадежнее –
Пытаться войти в дверь,

Нарисованную тобой же
На глухой стене...

...И птицы прилетели,
И небо высоко,
И всё короче тени –
И так легко, легко!..

...И снова травы сохнут на корню,
И всё же, всё же головы не клонят –
Не оттого ли я быльё храню
Меж жёлтых листьев томиков зелёных –

Как память, дорогая, о тебе...
А травы... травы зацветут по маю –
Ни чьей-то не завидуя судьбе
И всё на свете мирно принимая...

Из Фатиха Карима

Не войдёшь и в сотню строчек,
Если мыслями кружить;
Но короче, покороче;
Если долго хочешь жить,

Не страдай о смертном часе,
Сердце родиной тревожь,
Если быть ей сопричастным,
Знай, что долго проживёшь.

Иссиня-холодные, как нож,
Сердце исколовшие печали...
Может быть, когда-нибудь поймёшь,
Для кого они предназначались.

Для кого в ненастной тишине
По заборам сплетничала осень.
Может, при доверчивой луне
И тебе печально станет очень.

И уже перепечалась тем,
Что годами пережито всеми,
Словно об одной из главных тем,
Затоскуешь по любовной теме.

И тогда, наверное, поймёшь,
Что не понимала поначалу:
Иссиня-холодные, как нож,
Сердце исколовшие печали.

Казалось мне: ну что за дело,
Что ты так телом хороша?
Но верилось: в красивом теле
Живёт высокая душа.

Казалось, что с такой красивой,
Богине разве что под стать,
Меня не только мрачным силам,
Но и нечистой не достать!

...Но и достали, и срубили,
И вовсе извели на нет.
А рядом женщины любимой,
Родимой –

И в помине нет.

И только вздохи соучастья
По исковерканной судьбе...
Не дай-то Бог такого «счастья»,
Моя красивая, тебе!

Как это упоительно: мы – любим,
И нам дано со звёздами дружить,
И мы – подумать это только! – люди,
И на земле такая радость – ЖИТЬ!

Какое счастье: детские улыбки
На лицах, словно солнышко, лучат.
Да и само оно в небесной зыбке –
Вовек неугасимая Свеча!

И будет это долго-долго длиться –
И будут повторяться вновь и вновь
И детские светящиеся лица,
И солнышко, и звёзды, и любовь!

Какова изба –
Брёвешко ко брёвешку,
Такова судьба –
Времечко ко времечку.
Какова изба –
Такова судьба.

Не дал Бог избы –
И судьба порожняя:
Всё столбы, столбы
Да кресты дорожные...

Не дал Бог избы –
Всё столбы...

Столбы...
Если б да кабы...

Когда плачут люди,
Хочется попробовать их слёзы на вкус –
Не вода ли это?

Куда ни глянешь – не видать ни зги,
Куда ни ступишь – не найти дороги...
Чтобы развеять зимние тревоги,
Размениваю мысли на шаги.

Как мне привычно стало при луне
Скитаться по окраинам деревни –
И согреваться думами о древнем,
И помечтать о будущей весне...

Когда настанет самая пора,
На свежий ветер форточку открою:
Как никогда, весеннюю порою
В неё восходит воздух со двора!

И голуби об окна шелестят,
Такие вдруг ручные, недотроги!..
И ты, совсем как малое дитя,
Не ведаешь ни мысли, ни тревоги.

Луизе

Это мне когда-то
С высоты далось:
Чёрная –
В закатах –
Ночь твоих волос.

Зелень взгляда

Точно
Изумруд озёр –
И колдует ночью
Этот влажный взор.

Губы пахнут зноем –
Даже в дни обид.
Ты –
Моё земное,
Мой вседневный быт.

Впрочем, быт, как знаешь,
Отблеск бытия.
Значит, ты –
Земная
Высота моя.

Шутка

Любимая, невеста,
С косичками двумя,
А ты могла бы тесто,
Как мать моя, намять?

А в час после обеда,
Заваривая чай
И о беде разведав,
Заговорить печаль?

А вечером – оладьи,
Как мамины – точь-в-точь...
Всё это ты могла бы,
Не бабушкина дочь?

Март

Греет месяц март,
Новый год по-древнему,
И уже зима
Чахнет над деревнею.

Серые стога
Явью обозначились,
И ручьят снега,
От тепла прозрачные.

Говорит народ,
Что снега – целебные.
Пахнет у ворот
Отрубями хлебными.

Мужики шумят,
Розовея рожамы, –
Алексея чтят,
Человека Божьего.

Мне бы детский смех услышать,
Детский плач...
Но с утра кричит на крыше
Только грач.

Да мурлычет с недосыпа
Хмурый кот,
Да повсхлипывают липы
У ворот.

Да по трубам ветер воет –
Не впервой.
Может быть, из-за него я
Сам не свой.

Музе

Мои нечисты ночи,
Так нечисты:
Живу с женой, а мысли – о тебе –
Как на ветру страдающие листья,
По осени – покорные судьбе!

Конечно, это страсть,
Конечно – подлость
И грязь
По отношению к жене.
И что быть может нечестнее: подле
Неё лежать и каяться в вине

Перед тобой и перед ней?..
Нечисты
Мои не то что ночи – день любой...
Скорей бы уж пережелтели листья,
Перегорели...
Да и я... тобой...

На заре

Когда и петух не поёт на дворе
И всё молчаливо и гулко,
Люблю совершать по весенней заре
У маковой речки прогулки.

Шуршат под ногами песок и голыщ,
И ширится солнышко, грея,
И ты всё шагаешь – и вроде бы лишь
Себя на какое-то время...

На краю ведёрка –
Тряпка половая.
Весь в заплатках грязных –
Недомытый пол.
Засорилась пылью
Связка горловая,
Засорился грязью
Я с недавних пор.

Шитый-перешитый
Звёздной позолотой,
Надевает вечер
Шутовской камзол.
...Кто-то замолкает,
Не докончив слова.
...Кто-то оставляет
Недомытым пол.

Навяжется дума –
И вертит, и вертит:
Всё меньше – о юном,
Всё больше – о смерти.

И тянет, и тянет,
Как илистый омут...
Немного хотя бы
Пожить по-другому!

Потянешься к Богу –
Пока безответно...
Хотя бы немного
Подумать о светлом!

Настёне

Озёрно-озорные глазки
У девочки сладё-Настёны,
И ручки – крохотные ласки –
В норе моих ладоней тёмной.
И чувствую, как копошатся, –
Полнее не бывает счастья!

Не давите живого и тёплого,
Хоть и нежного, мягкотелого.
Ваше сбудется: скажете слово –
И весомее, и по делу.

Как умру – и станется камнем,
Чем бы там судьба ни играла, –
Что угодно лепите из памяти:
Нет податливей материала.

Нету радости ни от чего:
Ни от посиделок с добрым другом,
Ни среди людей, ни от того,
Что зовут они семейным кругом.

Лишь туман томления в груди,
Только одиночество с тоскою.
И до смерти хочется покоя
От того, что будет впереди...

Ничего земного не приемля,
У ночного неба на виду
Под ракетами озёра дремлют,
На волнах баюкая звезду.

Но с грудными звёздами озёра
И ракит склонённые стволы
Вовсе не предмет для разговора
Под покровом вечности и мглы...

Ночное

Меня пугает темнота...
Дорога сельская пустынна
И на листе тетрадном стынет.
Ночная – за верстой верста.

Меня пугает темнота...
А если далеко от дома –
Дорог прогнившая солома
Милее белого листа.

Меня пугает темнота...

Ограды – не такие, как в деревне,
Деревья – не такие, как в лесу,
Не балует в просветах меж деревьев
Разбойный ветер, а гудит всюю.

Когда кого-то опускают в недра
И люди – на тропе среди оград,
Прокуренные мужиками ветры
Сырой земле о многом говорят:

О том, что каждый медленно стареет,
И наступают времена утрат,
И что ограды – видимость оград,
Да и деревья – видимость деревьев...

...Он пришёл ко мне во сне –
И ко звёздам вывел за руку,
И в осенней тишине
Одарил меня подарком:

Целым ворохом стихов
И созвездьями созвучий –
Чтобы стало мне легко
И от осени – не мучиться...

...Оно задумано, чтоб веселить,
Пока не бьёт по почкам и по сердцу,
Пока ты окончательно не влип –
И от болезни никуда не деться,
Пока всё только кажется игрой
И сердце из груди лететь готово,
Пока ты пир –
И этот пир – горой –
И до конца не сказанное слово...

Пока ещё аукается жизнь
Среди каких-то непролазных дебрей...

Но ты не дрейфь!
Хотя бы как – держись! –
Ведь есть на свете солнечные дети!

И ты для них – опора!
Ты – отец!
А может быть, и выше даже –
ОТЧЕ!..

...Ну,
Вышел?
Всё?
Какой ты молодец!
И даже самый лучший, между прочим!..

Оттого что мы живём однажды –
Только Здесь – и больше никогда –
Жизнь должна быть кровеносной скважиной –
От которой все бы города
Наполнялись добрыми улыбками –
Бесконечно-солнечным теплом –
Никогда бы судьбы – даже зыбкие –
Не бывали брошены на слом...

Лёше Ланцову

Отцветают трава и колосья,
Созревают в полуденный зной.
Приближаются дни сенокоса –
Наступление жизни иной.

Переход, как всегда, незаметен –
До конца не поверишь концу,
Что ласкавший по-летнему ветер
По-осеннему бьёт по лицу.

И в осенней своей круговерти
Отстрадавшую валит листву
И давно уже призраком смерти
Так и кажется наяву.

Содрогая деревьев скелеты,
По дорогам вьюжит и вьюжит...
Снег посмертной маскою лета
На земле погребённой лежит.

Печальное

Порою старинные ходики
Нет-нет да ещё захрипят –
И думаю, вроде молоденький,
Но всё о печальном опять.

За каждое слово в ответе я,
Но как объясниться жене,
Откуда в начале столетия
Такое печальное мне?

Зачем, как подругу влюблённую,
Под руку гитару беру?
Другие часы, электронные,
Уж будят меня поутру.

Часов электронных стучание,
Их точно размеренный тон...
Прости мне за песни печальные –
За них не в ответе никто.

Под тяжестью ветров прогнулись травы –
Кого-кого, а их ветра гнетут
И гонят птиц в безоблачные страны –
Кому-кому, но им не место тут.

Сплошной гангреной прогнивает небо,
И лишь краями гнойные лучи
Роняет солнце, ожидая снега,

В надежде снегом раны залечить.

Вот так вот:
Поэтам не спится.
Поэты ведь –
То же, что птицы:

Им только бы
Грезить о небе
И – строки
На радость-потребу

Души окаянной
И – лёгкой,
Что вдруг – покаянною –
В лодке –

Начнёт уплывать – туда,
Где небо – туманится снами
И манит далёкими звёздами,

Где рады поэту всегда,
Которому доля земная –
Ничто перед этими грёзами.

Приехать мне сюда пораньше бы,
Когда горит костёр оранжевый
Ракит знакомых над рекой,
Чтоб с небесами со всевышними
Я смог пропеть над каждой крышею,
Отбросив все раздумья лишние:
Я снова – со своей тоской!

Чтобы над каждою деревнею
Вдыхать соломы свежесть древнюю,
И в дыме утопать сиреневом,

И гладить каждый дым рукой!..

Но не горит костёр оранжевый –
Уже сгорел костёр оранжевый
Ракит знакомых над рекой...

Приехать мне сюда пораньше бы...

Пьяное

В этом мире я только прохожий –
И бреду вот с небритою рожей
По земле – и мне до смерти стыдно –
Оттого, что неблагоприятный.

А не брит потому, что в загуле –
И бреду по заснеженной улице
За ещё одной порцией выпивки
Под какую-нибудь дохлую рыбку.

И прохожие сторонятся
Беспросветного сволочи-пьяницы –
И не знают, что этот прохожий
Проживает в поэтовой коже.

И ему до печёнок обидно,
Неудобно, и больно, и стыдно –
Потому, что поэтово слово
По значенью не меньше святого.

А вот он эту святость нарушил –
И терзает поэтову душу,
Что несёт это пьяное тело,
Потому что оно так хотело.

Это то же, что детское сердце,
Которому б греться и греться, –
Просто взять и лишить кровотока –
Непростительная жестокость!..

Родине

...И дорогам-то нет числа:
Вся-то родина, что просторы...
И глядишься, как в зеркала,
В голубые свои озёра.

Ты, родимая, спору нет,
Всех прекраснее и милее!
Потому и грустит поэт,
Городскою бродя аллеей.

Вон – Есенин, а вон – Рубцов...
Мало, что ли, хороших было?
Не печалься,
В конце концов,
Ты сама же их и сгубила.

Упокоила сыновей.
Кто там следующий паломник?..
Мы с тобою одних кровей.
Отчего же так тяжело мне?..

Роняя на размытый грунт
Грачей немолкнущие стаи,
Горят берёзы на ветру,
Грачиный крик перерастая:

Напоминая всё сильнее
О той, которой нет на свете,
Дрожат берёзовые ветви,
Как руки матери моей...

Россия

Ольге Пуссинен

Когда уже совсем невыносимо
И сам с собою будто бы с врагом,
Невольно затоскуешь о России,
Как не тоскуешь ни о ком другом.

Она тебе как обещанье рая
За всё, кем был и не был на земле.
И нет её желанней и милей,
Как нет ни ближе, ни родимей края.

Своим пальцами по моей коже
Играла музыку высоких сфер...
И всё казалось мне,
Быть может,
Может,
Сидим в каком-нибудь с Тобой кафе.

И льётся музыка, рождая песню –
Такую дивную, как ручеёк,
И мы с Тобою наконец-то вместе,
И говоришь Ты мне,
Что – дурачок.

Я обезумевший, раз так страдаю
От звука всякого и от руки...
Ты понимаешь ли, моя родная,
Что песней не избыть моей тоски
По музыке на зазвеневшей коже?..

Серёга

Когда устану от дороги,
На восходе солнечного дня,
Хочу увидеться с Серёгой –
Он так обрадует меня!

Пойдём к нему и молча сядем,
Попьём домашнего вина –
И вот всю ночь за палисадом
Гитара стройная слышна...

А перед новою разлукой,
На склоне солнечного дня,
Серёга, пожимая руку,
Посмотрит долго на меня.

И с песней, будто бы на битву,
Проводит до креста дорог...
Эх, на дорогу бы молитву,
Да кто б из нас молиться мог!..

Си-ля-соль-фа-ми-ре-до –
Целый день такая мука!
Птицы метят за кордон –
То же сочетанье звуков.

Будто задана навек
Эта звуковая гамма:
Си – родился человек,
До – пришёл к могиле прямо.

Мы хотим наоборот:
До-ре-ми-фа-соль и выше.
Но земля своё берёт –
Слышишь?

Скажи как на духу: ну разве
Я не заслуживаю Ту –
И уйду, душою праздный,
В метель, во мрак и пустоту?

И сердце рвётся и рыдает –
И не насытится никак...
Кругом снега, трамваи, зданья,
А впереди – огни и мрак.

И чьи-то ласковые жёны
На этом огненном пути...
Вернусь домой уничижённый –
Ты сможешь ли меня простить?

Всё до смерти осточертело,
И в сердце – сущий кавардак!..
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Простишь ли, достоверно зная
Про эти тёмные дела –
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?..

Определение смерти

Смерть –
Это вроде куда-то вышел,
Но вот-вот вернёшься.

Смыкает небо тучи-веки
И прячет золотой зрачок –
И на извилистые реки
Ложится ливнем на бочок.

И вот – земля и небо вровень,
И сёла сумерек полны,
И полуночницы-луны
Бликует лик по мокрым кровлям.

Снег почернел,
Значит – сойдёт
Скоро.
Лучик созрел –
Им уже лёд
Вспорот.

И воробьи
По небесам
Сохнут.
И от любви
Рвался бы сам
С окон...

И на лету
Слышать вослед:
– Убыл. –
Невмоготу
Быть на земле
Грубым.

Но не продлишь
Пары минут
Даже.
– Падая, лишь

Капли живут, –
Скажешь.
Солнышко моё

Мне бы голос твой услышать,
Солнышко моё, –
И тобой, моя малышка,
Буду умалён –

Стану вроде как ребёнок –
Маленький совсем:
В пелену добра обёрнут
И родной со всем.

Ни среди кого не лишен
И не уморён
Одиночеством...
Ты слышишь,
Солнышко моё?

Соломинка

Соломинка, охапка, стог –
К соломе я равнодушен:
Её тепло среди дорог
Всегда обогревало душу.

И память бережно несла
Её осеннюю усталость
На оконечности села,
Где молодость моя свершалась.

И юношеский оборот,
И ранняя девичья милость,
И тот соломенный омет,
Где всё впервые и случилось...

Душа не ведает границ.
И посреди дорог, послушай,

Соломинка, как некий шприц,
Мою вытягивает душу.

Сон

...Дорога, прямая и ровная,
Была уготована мне...

Во рву придорожном корова
Покорно паслась в стороне.
И цвет её солнечно-жёлтый
Светился, как месяц с небес...

И радовался, и шёл ты –
И прямо привиделся лес...

Как каркали эти вороны!
Так было темно в ночи:
Кажется, нитку чёрную
С белой не различить!
Всё исходило гвалтом,
Но было страшнее то,
Что сколько бы ни кричал ты –
К тебе не пришёл никто...

А самое страшное было
Во всей этой жути лесной,
Что ты меня не любила,
Что ты была не со мной...

Такой мне приснился сон.
И я всё молю у Бога:
Какой ни была б дорога –
Да будет не в руку он!..

Твоё «привет» в сто раз теплее «здрасьте» –
Оно как солнца неуёмный луч,
Что даже в дни повального ненастья
Согреть мне сердце рвётся из-за туч!..

...А нынче что я сотворил за зло,
Что ты сменила своё «привет» на «здрасьте» –
Неужто было лето и прошло,
И снова осень всё собою застит?

Сукровицей заката
Сочится край земли.
В предчувствии зимы
Сердце тоской объято.

Спасибо!

Спасибо за звонок!
Представляешь ли, как я ждал его!
А голос твой, твои слова – лучший подарок мне.
Спасибо!
И не забывай писать мне каждый день, как твои дела.
Быть может, самую чепуху несусветную, но пиши, хорошо?
О том хотя бы, что мечты – сбываются...

Стихи ты увела с собой –
Так, будто жёны при разводе,
Желая довершить разбой,
Детей уводят.

А без любимой и детей
И жить-то, попросту, не стоит:

Сосуществуя с миром тех,
С кем быть – пустое.

...Ты владеешь этим – абсолютно –
Неизбежно это право – ЖИТЬ! –
Потому что солнечное утро
Повелело миром дорожить!

Ты владеешь – значит, обладаешь
Всем, что преисполнено теплом,
Хоть оно бывает и со льдами –
С этим вековечно мёрзлым злом.

Всё же верь, что проживёшь на свете
Лишь лучами длящейся весной!..

...Что?

Опять –
Не кажется ли это
Так и не сбывающимся сном?

Нет,
Не кажется –
И ты забудешь
Боль свою,
Как тот кошмарный бред,
Где тонули в океане люди,
Где ни солнца, ни спасенья нет!

Своему неспасшемуся другу
Я вот эти строки написал.
Где же он теперь –
В каком круге
Ада –
Или в райских небесах?

Или закружился, может статься,
Посреди каких иных планет?..

...Слову надо вовремя рождаться –
Опозданию
Оправданья
Нет!

Уже ничего не растёт
На пустоутробной земле.
И жёлтый осенний листок
Распят на оконном стекле.

Умирая,
Накажу тебе
Светлым быть, как солнечные блики,
Никого,
Чтобы не множить бед,
Не обидеть и на вес пылинки.

Помяни, что та же высота
И тебя когда-нибудь окликнет...
Неспроста же
На снегу черта,
На котором даже ни былинки...

Утреннее

Может быть, я завтра и не встану,
Но пока мой голос в серебре,
Как люблю я рано по туману
Пробуждаться летом на заре

И послушать утреннюю птицу,
И залюбоваться на ручей,
Что уже успел позолотиться

От охапок солнечных лучей.

Поглядеть украдкой на дорогу –
Как она похожа на судьбу!
И, от ветра утреннего вздрогнув,
Воротиться в тёплую избу.

И хотя не скоро до морозов,
Но уже сегодня поутру
Листья сердцевидные берёзы
Бились и страдали на ветру.

Хлеб

Говорила бабка мне,
Солнышком лучась:
– Даже и на камень
Хлебом отвечай!

...Хотелось бы,
Чтобы расхожей ложью
Потомки не пятнали бы меня.
Поэтов судьбы с февральями схожи:
Короткий месяц, но весне родня!..

Цветоповал

Так часто говорила, что умрёт,
Но даже стены верить перестали,
И, упираясь в деревянный свод,
Обойные ромашки отцветали;

И неживые поняли уже:
Не люди если, значит, время скосит...
От переточки жатвенных ножей
На серых крышах отдыхала осень –

И часто говорила, что умрёт,
Но умереть достойная едва ли,
Когда кругом – пора цветоповала,
Когда на каждом лепестке упрёк
Всё той же самой, что косить устала.

Челны

Челны раскинулись огнями –
И сердце так забило в грудь!
И не поймёшь, что перед нами:
Плотина или Млечный путь.

Как не поймёшь, куда уводят
Нас вековечные пути...
И всё глядишь на эти воды,
К которым хочется сойти.

Сойду – и буду счастья полный
От вод, мятущихся у ног.
...И чей-то на реке челнок
Вдали одолевает волны.

г. Набережные Челны

Что же я такое сделал Там,
Что на Этом суд такой суровый:
Так и ходит болью по пятам,
Так и давит сердце чёрной кровью?

...Думается, было это так:
Женщину оставил одинокой,
Ту, что и любимой перестав
Быть – вовеки не отёрла б ноги

Об тебя, каким бы подлецом

Ты бы ни был –
Так тебя любила.
И в итоге – кто, в конце концов,
Попросилась
И на Этом
Белом
Свете

Быть с тобою до Звезды –
Той, что за пределом даже Света,
Где не тают никакие льды,
Где не дует даже слабый ветер...

...Спрашиваешь, почему я здесь?
Потому, что Ты была и есть –
И да будешь рядом! –
У черты,
Тою, за которой даже Ты

Душу, вечным верную путям,
Не вернёшь и не отсрочишь сроки...
Что же без Тебя я буду Там,
Неприкаянный и одинокий?..

Это кто постучался в наш дом?
О-го-го – Дед Мороз бородатый.
А чего там в мешке голубом?
Ничего себе – сколько подарков!

А мальчишке, который мой сын,
Ничего ли там нету случайно?
Он, мне помнится, поезд просил,
Чтобы с рельсами, необычайный...

Ух, и поезд, и даже с трубой –
Дед Мороз, мы мечтали об этом!..
И какой твой мешок голубой –

Сколько много небесного света!

(...Дед Мороз, а нельзя ли с тобой
Хоть разок посидеть до рассвета:
Чтобы ночью не грезились сны –
Не водили путём опостылым
И под сумрачным светом луны
Ненадолго меня отпустили?..)

Эх и жить-то хорошо, ребята:
Как планета, знай себе – кружись!
Мы мирами столькими объята,
Что не счесть смертей длиною в жизнь...

...Я просто хочу уйти
Куда-то – уйти бы только.
И пусть на моём пути
Не будет растений колких,

Не будет там грязных ям,
Не будет там всяких кочек.
И буду я сам – упрямым,
И буду я, между прочим,

Совсем не такой, как все:
Не грубый там, не одинокий...
Уйду – босиком по росе –
Туда, где не бьются о ноги

там разные всякие –
все...

...И будет Там яркий свет,
Такой, что едва ли встретишь
На вечных путях комет –

Какой бы космический ветер

Тебя на крылах ни нёс –
С какою бы скоростью света...
И будет космический пёс
Всё лаять и лаять на ветер –
На тот, что тебе в крыла
Всё дул бы и дул безотказно...

...И ТЫ БЫ МОЕЮ БЫЛА –
БЫЛА БЫ МОЕЮ ТЫ!..

Разве
Немыслимо это,
Когда
И Свет
За немислимой бездной
Меня привечает всегда
Своей бесконечностью звездной?..

Я удалил твой телефон –
Вот, не сдержался!
Жёг меня он,
Жёг меня он
Пчелиным жалъцем.

В сердце – тоска,
В сердце – разбой!
И пчёлка – тоже
Только цветком,
Как я тобой,
Жить и может...

...Я ушёл за грань того, что ведомо
Разве только Богу одному;

И Звезде одной был только преданный,
Той, что обезболивает Тьму;

Той, что так немыслимо далёкая –
Кажется, за гранью Бытия –
Там, где всё туманом заволокано,
Там, где будем только Ты и я...

...и чтобы ни один из душевных снов
не сбился ни на малую секунду –
и изо всех незыблемых основ –
каким совсем ты ни был бы паскудой –
нет! ни одна не рухнула с петель –
и чтобы яви обернулись чудом:
проснуться, и оправить бы постель,
и снова верить: был, и есть, и буду...

Ходить по птичьим рынкам
Так трудно без стыда:
Аквариумных рыбок
Мне было жаль всегда.

Они носами трутся
О стёкла день-деньской.
И им, наверно, грустно:
Ведь где-то царь морской!

Не жалуются, если
Забыли покормить:
Они же бессловесны –
Совсем не то, что мы.

Они – не мы...
Но, может,
Мне потому и жаль,
Что человечья всё же

В глазах у них печаль.

Всё мгновенно пройдёт, как в кино:
Дни, недели прокрутятся, месяцы –
И во Времени всё перемесится
И уляжется тихо на дно...

Время лечит? Калечит оно!
Потому-то и больно, и жутко,
Что недолгий земной промежуток
Мне прожить без тебя суждено.

Стихи должны быть чуть навеселе,
Среди всего – хотя бы малость самую,
Чтобы и мы, печальная краса моя,
Куражились от них...
А если нет –
Тогда зачем они и этот мир,
В котором мы живём и вечно маемся?
Когда не будет нам и этой малости,
Согреемся ль ещё чьим светом мы?

Два четверостишия

1.

Вроде как бы живя по прямой,
Даже самые древние знали:
Диалектика мира банальна,
Как и сам он - меж светом и тьмой...

2.

...И у вечности на виду
Вот живу, и меня - будто двое.
И никак не осмыслю того я,
От чего и к чему я иду...

По мотивам лирики Роберта Миннуллина

Ивы

Без ив любимых
Берегов
У Сюни не было и нету!
И если в вас жива любовь,
То сами вы поймёте это.

Они по-прежнему стройны —
Ровесницы подругам юным
Моей далёкой той весны,
Что утекла с волнами Сюни.

Но ивам старость не к лицу —
Такая стать у них, родимых:
Не веря своему концу,
И умирать-то молодыми.

Я тоже с сюнских берегов,
И так же молодость милую,
И снова вырасти готов
И юность пережить былую —

Под ивами, у родника,
С признаньем первым, безответным...
Но вечно юными никак
Нам не дано пребыть на свете.

И только сюнская вода
Всё новые катает волны,
И ивы —
Юные всегда!
Уже и этим я доволен.

На Агидели

По Агидели белый пароход
Плывёт к огням давно родной Казани.
Я там живу уже который год –
Мне без неё не жизнь, а наказание.

Но вот сейчас стою на берегу,
И сердце чем-то теплится хорошим.
За пароходом мыслями бегу,
Душой бездонной пребывая в прошлом.

У нас извечно, видимо, в крови:
Не оторваться от родного плена.
Меня дурманит – то ли от любви,
От запахов ли сохнущего сена.

А рядом ивы радостью полны,
Что я остался здесь хотя бы на день.
Они от счастья, словно я, пьяны!
Счастливые: им никуда не надо.

Как чайка по реке черкнёт крылом,
Так и печаль меня едва коснётся.
Но всё же – всюду до того светло,
Как будто в мире два сияют солнца.

Одно румянит неба синеву,
Другое блещет на души затоне.
И родин две, и завтра уплыву
От изначальной к новообретённой...

По Агидели белый пароход
Плывёт неспешно к берегам столицы.
И жизнь моя, как Агидель, течёт,
Волнами встреч и расставаний длится.

Прошла соловьиная пора

Не спи, не спи, художник...

Б.Пастернак

«Не спи, не спи...»

Но что обяжет

Не спать до самого утра:

Уже на озере Лебязьем

Бессоловьиная пора.

Тихи закаты и рассветы.

И слышен лишь один мотив:

Листоюю окрылился ветер,

Лебязье озеро мутит.

И гонит за волнами волны,

И на душу наводит муть.

Без соловьёв деревья голы

И равнодушны ко всему.

Без соловьёв они безмолвны,

Как бы лишились языка –

И потому такие волны,

И равнодушие, и тоска.

Но дерево любое хочет

О жизни многое сказать...

То не росинка на листочке,

А соловьиная слеза.

Тоска по соловью

Как не хватает соловьёв

Мне в пору грусти и печали!

Вернуть бы первую любовь,

И чтобы птицы не молчали.

Я не заметил бы, как сам

Взлетаю птицей в край небесный

И наполняю небеса
Своею соловьиной песней.

Без соловьёв ты глух и тих
И с каждым годом безответней,
Как будто и не видел их,
А стало быть, не жил на свете.

Но, впрочем, что на них смотреть,
Когда довольно и послушать,
А там – и не умолкнуть впредь,
В тоске вызвучивая душу.

В ночи, во мгле её чернил,
Опять старается, ретивый, –
И вновь я песню сочинил
На соловьиные мотивы.

На Лебяжьем озере декабрь.
Бьёт крылами белая метель.
И берёзы, дать им крылья кабы,
То могла бы каждая взлететь.

Но грустит берёзовая стая,
И метель мани их, не мани,
А берёзам явно не хватает
Крыльев слов: «Родимые мои!...»

Не хватает тёплых слов Туфана:
Он сестрой бы каждую нарёк –
И берёзы птичьим караваном
На крылах его летели б строк...

Но поэта нет, и нет полёта.
И напрасно белая метель
По берёзам крыльями колотит –
Ни одной уже не полететь.

Ни одна уже не станет птицей...
И весной, когда сойдут снега,
Будет сок берёзовый сочиться –
Слёзы по тебе, Хасан-ага...

Монолог пули, убившей Лорку

Пусть на меня проклятие падёт
За эту силу, от которой стонет
Земля, и юный Лорка не споёт –
И алой розой вновь не зацветёт
Заря на андалузском небосклоне.

Лишь только одинокий луч блеснёт,
Как облачной затянет поволокой...
Пусть на меня проклятие падёт
За эту немощь –
Я убила Лорку!

Я – чёрная печаль, я на земле
Свинец свинцом –
А сколько тьмы бездонной!
Но как же так: не выстрелиться мне,
Для смерти человечеством рождённой?!

Я в этом мире быть обречена
Самой собой – и в назначенье горьком,
Быть может, скажут, не моя вина.
Но что с того:
Ведь я убила Лорку!

Ода золоту

Совсем непоэтичные дела –
Осанну петь кому-нибудь в угоду,
Но если речь о золоте зашла,
Сегодня я ему слагаю оду.

Предмет, конечно, малость мелковат
Для гимнов и высоких песнопений,
Но золото относится к словам,
Имеющим по несколько значений.

Пусть первое значение не в счёт:
Поэту ли металлом восторгаться!
Но в золоте содержатся ещё
И нематериальные богатства.

И славлю я то золото земли,
Что светится значением высоким,
Которое ничто не умалит
Под небом голубым, золотооким.

Как не иссякнет золото хлебов,
Взращённое руками золотыми,
И матерей великая любовь –
Золотосердая – мы живы ими!

Пою я золотые имена,
Что высечены золотом по камню, –
Пусть ими вечно славится страна
И золотыми множится веками.

Пусть будут оды петься без конца
О хлеборобах, матерях, солдатах!..

...На среднем пальце золото кольца,
Завещанное мне отцом когда-то,
Ношу
И постараюсь уберечь
Для сына –
Значит, ода и об этом
Металле,
Если – о высоком речь
И если ты родился быть поэтом.

Соловьи

Настало время гнёзда вить –
Пора любви настала!
И вот уже – «тук-тук-фьюить»
Вслед за водицей талой.

На иве ли, на тополях –
Кому какая доля!
Была бы солнечной земля,
Чтобы душе – раздолье!

И среди прочих – соловьи
Выводят лад за ладом
О самом главном – о любви! –
Весенние рулады.

Чем меньше слышим соловьёв,
Тем больше в них потреба!
У них ни музыки, ни слов,
А только зовы неба.

Тут заведёшь – лишь сердце тронь! –
Ещё не те колена!
И птичка-то – всего с ладонь,
А песня – о нетленном.

Об иве ли, о тополях –
Кому какая доля!
Была бы солнечной земля,
Чтобы душе – раздолье!

Соловьи только рождаются...

Ах, весна!
Журчание ручьёв
Топит сердце в счастье полноводном
И – в тоске.

Ах, это соловьёв
Пенье наводнило мир сегодня!

День рожденья этих славных птиц,
Оттого и радостно, и грустно –
То тоска не ведает границ,
Полнит сердце половодьем чувства!

Соловьи рождаются весной,
Песни их рождаются с ручьями.
Но и летом соловьи со мной,
Осенью и зимними ночами.

Стоит только отворить тетрадь
Со стихами – сразу трель раздастся!
Разве могут песни умирать?!
Соловьями можно лишь родиться!..

Солнце

...И солнце осенью стареет:
Едва прореживая тьму,
Оно уже почти не греет,
Не нужно стало никому.

Не важно никому, взошло ли,
Торит ли светлые пути.
И вот – живём как поневоле,
И что ни день – то ночь почти.

И так – тревожимая снами,
Без солнца старится душа...
Не важно: осень ли, весна ли,
Зима ли, лето ли – дышать

Дано нам только под светилом
И видеть сны о небылом.
Нет, это не оно остыло,
Остыли мы – и поделом

Нам тьма тоски и мгла печали...
Нет, виновато не оно,
Что мы его не замечаем
И так тревожно и темно...

Последняя листва

Пора переселенья душ
Творится будто бы на свете!
По осени, от первых стуж,
Листовою окрылился ветер.

Но с опереньем золотым
Ему кружить совсем немного:
Сгорят осенние листья,
Падут на землю одиноко.

И в том не осени вина –
Она сама-то мимолётна.
Что жизнь утратами полна,
Печалиться из года в год нам.

Но как не верить чудесам:
Едва успеет опуститься,
Листва грустит по небесам,
Подобно перелётным птицам.

И быть однажды перестав
Листвой, собьётся в птичью стаю –
И ни единого листа
Ни в мире, ни в душе не станет.

Но, впрочем, и душа сама
Когда-то обернётся птицей...
А там, за осенью, зима
В окно крылами постучится.

Осень

Длиннее ночи, дни короче –
Всё ближе к осени дела.
И вот ни дня уже, ни ночи –
Сплошная мгла.

И день, и ночь – сплошные тени,
И всё длиннее и длинней.
А что же мы ещё хотели –
Пора теней!

И звёзды гроздьями поспели
И чаще падают они.
У речки Сюнь, родной купели,
Грустит тальник.

И убывает птичье пенье –
И всё печальнее душа.
Деревья тают постепенно,
Листвой шурша.

Меняются деревья в цвете:
На их тысячелистье лиц
Застыла грусть-тоска по лету,
По пенью птиц.

Но мы почти не замечаем,
Как лист уходит за листом,
И только по своей печали
Поймём о том

И, сколько песен мы ни просим, –
По опустелости немой!..
Уж лето обернулось в осень,
А та – зимой.

В краю родном

В краю родном, вдаль устремляя взгляд,
Стою на легендарной Хан-горе.
Ещё милее с высоты земля!
Что может лучше сердце обогреть?

Поля, озёра, травы и цветы,
И речка Сюнь – родимая купель –
Как на ладони с этой высоты,
К которой с детства сердцем прикипел.

Здесь хан когда-то всем повелевал,
В сражениях его звенели дни,
И, как от ветра клонится трава,
Так подданные падали пред ним.

И я томлюсь загадкой: этот хан
Когда, и где, и отчего почил:
Сломал недуг, от боевых ли ран? –
О том лишь звёзды ведают в ночи.

Отсюда зримей: как там ни кружись,
Но есть конец и ханским временам.
И это – жизнь, на то она и жизнь!
И хорошо, когда даётся нам

В краю желанном обрести покой –
За всё, кем был и не был на земле.
А после – в светлой памяти людской
Дано бы было время одолеть!..

В краю родном, вдаль устремляя взгляд,
Стою на легендарной Хан-горе...
Ещё милее с высоты земля!
Что может лучше сердце отогреть?..

Отзывы о поэтических книгах Рамиля Сарчина

АЛЕКСАНДР РАССАДИН

У России – осенний характер...

(о книге «Стихотворения»)

Редкое, давно не испытываемое чувство – будучи уверенным, что всё самое главное в поэзии тебе знакомо, не единожды перечитано, – почти случайно открыть для себя строки, которых, оказывается, тебе не доставало. Для меня книга лирики Рамиля Сарчина стала одним из самых волнующих духовных обретений последних лет. У автора, на мой взгляд, есть главное, что отличает поэта от простого «смертного» стихотворца. Это умение извлечь звуки, скрытые, по определению Томаса Элиота, в «общей речи времени». Это поразительная органичность в выборе точных предметных деталей, контекстуально преображаемых в нечто большее, чем они есть на самом деле: «обойные ромашки отцветали», «дорог прогнившая солома», гудящий соломенный мотор... Это и подкупающая искренность, неподдельный драматизм лирического самовыражения, стоическое желание быть собой, а не другим, в таких, например, произведениях сборника, как «Маргинал», «Татарское», «Март»... Было бы слишком просто объединить эти стихи необычайно популярной в двадцатом веке темой диалога культур, темой «тюрко-славянского» синтеза... Тогда о чём они? Может быть, о том, что и в момент своего очередного страшного разлома (последнего ли?) Россия не перестаёт быть загадкой, куда-то несясь, не даёт ответа, что жить в ней не только великое счастье, но и всегда суровое время, нелёгкое испытание...

Ульяновск, 1998

ИННА ЛИСНЯНСКАЯ

(о книге «Возвращение»)

...Это своеобразное и постоянное возвращение к теме «родные корни». Дом лирического героя, чьё окно по-особому открыто в мир, навсегда остаётся в памяти: «Горит окно с кривою крестовиной, / Со светлым косоглазием окно». Это окно горит и освещает нам путь не только в будущее, но и возвращение к прошлому, где до щемящего чувства многое дорого поэту. Казалось бы, очень трудно найти определение Родины, чтобы обойтись без банальностей. А Рамиль Сарчин нашёл. Выразил ощущение родины, прибегнув к очень простому и всем понятному образу:

Дом на краю села.
В нём не погашен свет.
Бабушка умерла.

Бабушки больше нет.

Бабушка – умерла.
Вот уже сорок дней...
Знаешь, она была
Родиною моей.

Многое утрачено с потерей родного человека, но непогашенный свет в окне горит. И это – символ будущего. Я недаром остановилась на разговоре о светящемся окне. Оно олицетворяет свечение трёх времен; это свечение ощущается во всей поэтической книге Рамиля Сарчина...

Хайфа (Израиль), 2009

ЭДУАРД УЧАРОВ

По мотивам книги стихов «Возвращение» Рамиля Сарчина

Глубока взятая лирическая нота клеверного разнотравья корневых мест Рамиля Сарчина. Режущая пальцы осока, загадочная луговая ромашка, сколотые солнца зверобоя, белые салюты тысячелистника, духмяная земляника и дикая малина, запылившийся подорожник и рваный лопух на дне лога, горячая крапива у покосившейся изгороди – весь этот гербарий детства, хранимый в душе поэта на протяжении долгого и извилистого пути стихотворных выдыханий – непременно возвращает в магическое детство пишущего и подпитывает его сердце кровью глубинных истоков родной деревни. Волшебство наступившего вечера трансформирует соцветья в созвездья. Тысячи вспыхнувших огоньков возвращают читателя на небесную землю, где предки шагали по Млечному Пути к лечебным звёздам, растущим на окрестных лугах:

...Густеет день, и наступает вечер,
И затухают тихие цветы.
И вместо них, распахивая вечность,
Созвездия цветут из темноты.

А утром распахивается окно света. Лучи, низвергающиеся на землю пламенным двигателем нашего мира, безошибочно отыскивают купол мечети, бегут узкими кинжальными полосами от серебряного полумесяца в открытые двери к выцветшему молебному коврику на полу храма и согревают незатейливую древесность молитвенного тела. Озарённый купол, сверкающий далеко за село – словно маяк для потерпевших кораблекрушение сосен из ближайшего леса, которые из последних сил гребут колючими ветвями на вспыхнувший отблеск. А ещё купол – последнее прибежище, остров обетованный для уставших плыть по воздуху птиц. Они – духи святые, божьи сизые проповедники, символизирующие мир и

благочестие – обмахивают конус добрыми крылами, подхватывают молитвы верующих и уносят их на небо к Богу:

Село моё – окраина и скука...
И на проулки, бедные людьми,
Горит мечети озарённый купол
И голубями сизыми дымит...

Ранее, в детстве, также обмахивала перстами, шепча надо мной молитвы – бабушка Елена Георгиевна. Над моей кроватью в углу находился киот и она каждое утро (почему-то помнятся только глубоко тёмные зимние рани) вставала передо мной и начинала бормотания с придыханиями. Я часто с испугом просыпался в эти мгновения и лежал не дыша, боясь обнаружить своё бодрствование. Я вслушивался в бабушкин шёпот, в шорох массивной крепдешиновой юбки и представлял себе дедушку Бога, подплывающего ко мне на облаке и принимающего исполнять все мои желания. Это был седовласый, с морщинами на лбу, волшебный Бог. А бабушка, мама моей мамы, казалось мне, наоборот – не спускающейся с небес, а прорастающей из земли и вобравшей в себя всю мудрость, строгость и справедливость вятских предков. Даваника, мама моего папы, научившая меня в свои далеко за семьдесят болеть за советскую хоккейную сборную и наших фигуристов, выполняющая все капризы распоясавшегося внука, балующая его шоколадными конфетами «Нива» с вафельной крошкой и домашними мясными кыстыбьями из прозрачного теста – была полной противоположностью Елены Георгиевны. Казанская даваника Гульшат Хазеевна любила меня со всей восточной пылкостью, на которую была способна, и олицетворяла собой другой полюс родного дома, более южного, тёплого, объятного... Когда их обеих не стало – не стало и частицы меня, частички моего пространства и любви. Ощущалось это пронзительно, навывлет, именно так, как звучат мощнейшие по силе своего воздействия строки:

Дом на краю села.
В нём не погашен свет.
Бабушка умерла.
Бабушки больше нет.

Бабушка – умерла.
Вот уже сорок дней...
Знаешь, она была
Родиною моей.

Такое мог написать только большой поэт. Тонкая печаль и тихая грусть, хрупкий лиризм и психологизм изложения сюжетной линии, минимализм в средствах передачи общего настроения стихотворного полотна, пастернаковская «неслыханная простота» синтаксиса и тропов, традиции Рубцова и Есенина – всё это вкупе позволяет говорить о вполне индивидуальной манере и самостоятельной поэтике Рамиля Сарчина, вобравшей в себя два языковых национальных пласта:

татарский лингвокультурный концепт «сагыш» (тоска по родине, отчуждение) – одну из наиболее разработанных тем в татарской поэзии, и традиционную школу русской «деревенской» поэзии и прозы с проработкой, например, есенинского «имажинизма» – скупых, но очень точных и запоминающихся образов. Вообще, давно известно, что мультикультурность проникающего в поэта пространства невероятно стимулирует творческий процесс и даёт поразительные результаты. Наложение архетипических метафор различных культурных кодов на единый текст производит глубинный взаимодополняющий лирический эффект. Например, образ берёзы в татарском фольклоре – традиционно печален. Это дерево считается кладбищенским, а слово созвучно горю. В русской же литературе берёза – нечто девственное, светлое, нежное. Соединение этих национальных кодов в едином символе Родины оказывает на подготовленного читателя сильнейшее эмоционально психологическое потрясение на уровне «обморока чувств»:

...В каждой берёзе – Русь,
Словно благая весть:
Ветки стремятся ввысь,
Корни – с землёй срослись...

Надо также сказать и о том, что поэтическое звучание особым образом ретранслирует и усиливает значение каждого слова в стихе, а рифмы – если мы говорим о силлаботонике – очень действенный «тэг» для подсознания. Слова-окончания – ключевые, ударные созвучия – своеобразные поэтические гвозди, вбивающиеся глубоко в горбыль души и способные оказывать на протяжении длительного времени определённое мотивационно-психологическое влияние на интеллектуальную и духовную деятельность личности. Звукопись души, записанная поэтом не нотным, но азбучным способом, представляет собой «бомбу замедленного действия». Поэтический импульс, посыл стихотворения может никак и не проявить себя вначале, но работа души воспринимающего смыслы и музыку произведения рано или поздно явит результат. Нужно быть к этому готовым. Поэт же в этом случае сам себя как звуковой импульс и являет. Самосознание этого факта – признак высокого мастерства:

...В каком-нибудь вишнёвом переулке,
В таком же светлом, как благая весть,
Я становлюсь до удивленья гулким,
Как будто переулок я и есть.

Возвращаясь к мультикультурности татарстанского пространства в общем и Казани, где бесконфликтно сосуществуют восточные и европейские культурные традиции в частности, – необходимо отметить, что именно художник, творческая натура, эта сверхчувствительная антенна, ловящая волны этнических коллективно бессознательных импульсов и декодирующая их в наднациональное общепонятное для всех художественное произведение, поэт, мастер слова – особенно чуток и

ответственен в выборе своего лексикона. Наш случай подтверждает и то, что только взгляд со стороны на другой этнос надёжен и крайне ёмок:

...Дорога узкая,
А всюду – ширь!
Таков у русского
Замер души.

Ещё одна надмирная и, в общем-то, понятная и принимаемая любым читателем общечеловеческая метафора горящего окна отчего дома – своеобразное возвращение лирического героя к родным пенатам (собственно, эта центральная тема и послужила для заглавия всей книги автора), избывание накопившейся тоски по изначальному краю, прошедшему детству и юности, любовь к своим близким и вера в светлое настоящее, в место силы, возвращаясь в которое регенерируешь и физически, и творчески, и духовно. И, что самое важное, казалось бы, образ окна уже многократно использован и заштампирован, но стоит только добавить пару индивидуальных штрихов – «кривая крестовина», «светлое косоглазие» – и из избитого образ превращается в запоминающийся и, главное, достоверный и исповедальный авторский посыл:

...В селе моём, пустом наполовину,
На родине, оставленной давно,
Горит окно с кривою крестовиной,
Со светлым косоглазием окно.

Небо, ночь, звёзды... Вспыхнувшие соцветья-созвездья трансформируются в звёзды-слова настоящих Творцов, божьих людей, воплощений святого духа, голубей обетованных, машущих читателям крылами добра и света – тех категорий, которые созвучны постулатам классического русского «тихого лиризма». Эти эстетические метки-флажки поэта Рамиля Сарчина понятны и вполне разделяемы: светлая грусть, высокая печаль, антагонизм добра и зла, апелляция к нравственным императивам и общекультурным ценностям. А над всем этим – покой и воля, вещее слово настоящего поэта, возвращающее нас «в обитель дальнюю трудов и чистых нег» и утверждающее, что счастье всё-таки существует. Счастье поэтического говорения. Говорения сиятельными звёздами:

День как добро:
Чем больше, тем светлее.
И ночи тоже землю серебрят.
Подставь ведро
Под звёзды Водолея,
Ведь звёздами поэты говорят!

Казань, 2016

РОБЕРТ ВИНОНЕН

...И ты всё шагаешь...

(о книге «Цветоповал»)

Стихи Рамиля Сарчина на первый взгляд довольно безыскусны, не претендуют на какие-то глобальные осмысления чего-либо.

Ах, как берёза пахнет стариною!
А в пору зимних и тревожных дней
Она всегда белеет надо мною
Как светлый образ родины моей.

Не отводя глаз от этого образа, поэт в другом стихотворении ещё уточняет, углубляет его:

Дрожат берёзовые ветви,
Как руки матери моей...

От бедности ли такая привязанность к немногому вокруг себя? Нет, пытливый художник суете поисков новых и новых объектов предпочитает по-новому раскрывать обыденное и привычное. Достоинство такой простоты в конкретности, наглядности того, о чём речь. Про что рассказано, то и показано. Такая поэзия освобождает от умозрительности, зато чревата сложностью внутренней: показана берёза, а сказано о матери, о родине. Не случайным кажется и написание этого святого слова – родина – с маленькой буквы. Заглавная буква несколько изменила бы интонацию, добавила сюда пафоса – ненужного, то бишь поэту несвойственного.

По многим стихотворениям книги чувствуется стремление поэта не только отразить мир, но и как бы вместить его в себя. Состояние души, родственное тютчевскому мироощущению: всё во мне и я во всём. Оно даже, осмелюсь при всём риске сравнения с классиком сказать, выражено у нашего современника не столь декларативно:

В каком-нибудь вишнёвом переулке,
В таком же светлом, как благая весть,
Я становлюсь до удивленья гулким,
Как будто переулок я и есть.

Мелочи жизни под пером Р. Сарчина находят поэтическое преображение в силу того, что он воспринимает, говоря его же словами, весь «быт как отблеск бытия». Поэтому, например, обыкновенный снег ему видится «посмертной маскою лета», а осенний листок не просто прилип к оконному стеклу, но распят на нём. За

благополучием внешних покровов поэт должен чутко чувствовать нечто драматичное и трудно выразимое – тот самый отблеск бытия. Лишь ради него и стоит писать стихи.

Жизнь отвела поэту Рамилю Сарчину место меж двух национальных культур – и сам он это хорошо чувствует. Выбрав для творчества русский язык, не забывает о своих татарских корнях. И говорит об этом с большим тактом:

В селе моём
Над золотом осенним
Мечеть белеет, тишину храня,
И православным летоисчисленьем
Издалека приветствует меня.

Для человека талантливого такая позиция всегда благотворна. Вся история русской литературы тому свидетель, если оглядеть даже самые высокие вершины её. Скажем, Державин, происходивший из знатного рода мурзы Багрима. «Его гений мыслил по-татарски», – сказал о поэте Пушкин, потомок эфиопских князей. И один из потомков шотландского офицера Георга Лермонта недаром заявлял о русскости – он, дескать, не Байрон, а другой «ещё неведомый избранник».

Русское и татарское у Р. Сарчина всегда рядом:

Мусульмане выковали месяц,
Христиане сколотили крест.

И всё же не этим двуединством определяется главное в поэзии нашего автора. Главное, по-моему, – тот добрый взгляд, который различает общечеловеческие духовные ценности мира. В этом смысле Рамиль Сарчин следует – и по форме и по содержанию – классической традиции русского стиха. Не потому ли, читая лучшие строки поэта, я припоминал завет Владимира Соколова: «Я должен видеть, что за пустяками». Когда человек внутренне сосредоточен, всё видимое и всё происходящее с ним становится поводом к такому обобщению, что и простая прогулка открывает поэту выход из обыденности:

Шуршат под ногами песок и гольш,
И ширится солнышко, грея,
И ты всё шагаешь – и вроде бы лишь
Себя на какое-то время.

Как тонко уловлена и ненавязчиво подмечена связь времени и пространства! Вообще в этом поэте глубоко запрятан философ. Как знать, не тут ли залог нового витка в развитии художника.

С моей возрастной колокольни Рамиль Сарчин – поэт молодой. На самом же деле он как раз на пике творческих возможностей. Однако здесь автора третьей книги застаёт самая сложная пора: идти дальше, не сходя с достигнутой высоты. Стало быть, остаётся пожелать поэту счастливого полёта!

Хельсинки (Финляндия), 2011

Сарчин Рамиль Шавкетович

Не погашен свет

Стихотворения